

4. Копылова Э. В. Словарь рыбаков Волго-Каспия / Э. В. Копылова. – М. : Водолей Publishers, 2002. – 192 с.

5. Мишанич С. В. Устные народные рассказы: вопросы поэтики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Мишанич. – М., 1988. – 33 с.

References

1. Muhina M.F. Otchij dom: Stihi i proza. Kamyzjak, GP Tip. Kamyz. rajona, 1995. 64 p.

2. Anikin V.P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo. M., Vysshaja shkola, 2004, pp. 283–290.

3. Ivashnjova L. L. Duhovnaja jetnokul'tura i ustnyj fol'klor russkih Astrahanskogo kraja // Astrahan': Istorija. Jetnos. Kul'tura. Priroda. Geopolitika. Astrakhan, B.i., 2008, pp. 198–207.

4. Kopylova Je. V. Slovar' rybakov Volgo-Kaspija. M., Vodolej Publishers, 2002. 192 p.

5. Mishanich S. V. Ustnye narodnye rassказы: voprosy poetiki. M., 1988. 33 p.

НЕОМИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ «ОТЕЧЕСТВЕННОГО» ПЕРИОДА)

Гайнутдинова Наталия Андреевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: natali.inside@yandex.ru.

В статье рассматриваются особенности неомифологического сознания в прозе Ф.Н. Горенштейна 1960–1970-х гг. Исследуются наиболее важные мифологизированные нарративы в произведениях «Ступени», «Искупление», «Псалом». Автор создаёт тексты, в которых репрезентируются переосмысленные библейские образы, сопряжённые с действительностью второй половины XX в. Это позволяет говорить об особом мироощущении и стиле писателя.

Ключевые слова: Ф.Н. Горенштейн, Библия, миф, неомиф, мифологизирование, неомифологическое сознание, философская концепция, постреализм

THE NEOMYTHOLOGICAL CONCEPTION BY F.N. GORENSTEIN (BASED ON THE PROSE OF “DOMESTIC” PERIOD)

Gaynutdinova Nataliya A., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: natali.inside@yandex.ru.

The author of this article discusses the peculiar properties of the mythological consciousness of prose by F.N. Gorenstein 1960–1970-ies. We investigate the most important mythological narratives in the works of “Stairs”, “Redemption”, “Psalm”. The writer creates texts that represent reinterpreted biblical images, conjugate with the reality of the second half of the XX century. It allows us to speak about the special attitude and the style by F.N. Gorenstein.

Keywords: F.N. Gorenstein, the Bible, myth, neo myth, mythologizing, mythological consciousness, philosophical concept, postrealism

Духовный и культурный кризис российского общества в конце XX в. оказывает сильное влияние на отечественную литературу, в результате чего формируется новый характер отношений с реальностью. Одной из характерных тенденций развития русской прозы 1960–1990-х гг. становится переосмысление различных культурно-эстетических и литературно-мифологических образов, мотивов, сюжетов, используемых в конструировании индивидуального худо-

жественного мира. Это необходимо для поиска приемлемых условий существования в эпоху постмодерна, «культурным продуктом» которого является постмодернизм – целостное, но неоднородное направление неклассического философствования и искусства.

В 1990-е гг. в русской литературной критике (одновременно с зарубежными исследователями) уверенно заговорили о сближении модернизма и постмодернизма с реализмом, о формировании нового типа поэтики, начиная с периода «оттепели». Вследствие этого формулируется новое художественное направление – постреализм (его особенность состоит в том, что в своей основе он имеет опыт неореалистической литературы 1920–1930-х гг., долгое время пребывавшей под цензурным запретом), который занимается исследованием сложных философских вопросов повседневной жизни, сталкивая простого человека со вселенским хаосом. Выйдя из постмодернизма, выстраивавшего сложную культурологическую концепцию, в которой теряется личность человека и его судьба, постреалистический метод, напротив, никогда не отбрасывает значимость личностного аспекта. В такой литературе преобладают «чернуха», натурализм, социологичность. Главные герои репрезентируются срединными, «массовыми» людьми, скрывая сложный образ автора и прямую оценку происходящего. С одной стороны, персонажи самостоятельно выбирают свой жизненный путь, а с другой – проигрывают общеизвестные мифологические сюжеты, соотнесённые с современностью. Таким образом, стратегия постреализма оказывается близкой постмодернистскому диалогу с хаосом, однако приобретает несколько иные очертания и цели, продолжая поиск подлинных человеческих ценностей и обращаясь к вечным темам. Однако, в отличие от постмодернистов, писатели этого направления используют другие художественные приёмы, позволяющие подчинить сюжет логике мифа и выйти на новый экзистенциальный уровень, приблизить произведения к форме «священной истории».

В современном культурологическом словаре В.П. Руднев обратил внимание на то, что «художественный текст XX в. ... начинает уподобляться мифу по своей структуре... писатель придумывает свою оригинальную мифологию, обладающую чертами мифологии традиционной» [8, с. 170]. По убеждению учёного, миф становится одной из важнейших культурных категорий благодаря его значению «как особому состоянию сознания». Однако не только собственно мифологический текст может быть представлен в произведении, но и «исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные и неизвестные художественные тексты прошлого», не исключается и возможность создания собственной оригинальной мифологии, не проецируемой на некоторый текст, но реставрирующей общие законы мифологического мышления» [8, с. 184].

Весьма показательные примеры неомифологизирования можно найти в творчестве Ф.Н. Горенштейна (1932–2002) – уникального мастера слова второй половины XX в., который долгое время оставался неизвестен русскому читателю. Стараясь постичь авторский замысел отдельных его произведений и всего творчества в целом, учёные сталкиваются с проблемой полисемии на всех уровнях текстов. Рассмотрим самые яркие мифологизированные нарративы с культурно-философской позиции и выявлены особенности неомифологической концепции Ф.Н. Горенштейна.

Исследуя раннюю и зрелую прозу писателя (1960–1970-е гг.), читатель в первую очередь обращает внимание на особую пространственно-временную организацию текстов. Автор строит свои произведения с помощью оппозиции «реальное – мифологическое». Подобное темпоральное сопряжение опирается на присущую мифологическому сознанию концепцию времени, согласно которой образцовое прошлое предков проявляется в настоящем, напоминая о сакральном знании. «Особым вниманием неомифологической литературы

пользуется своеобразие мифологического времени и пространства, восстановление которого критики усматривают во многих мифологизированных текстах... Логическая "беззаконность" мифа импонирует литературе модернизма и постмодернизма, трагически отражающей дискретность мира и абсурдность бытия вообще. Таким образом, "стилизация сознания", выступая как механизм мифореставрации, оказывается эстетической условностью, приёмом. Однако то, что мы определили как мышление "смыслообразными", остаётся феноменом непреходящим, что и позволяет Е.М. Мелетинскому трактовать мифологизм литературы XX века одновременно "как приём" [5, с. 235] и "как стоящее за этим приёмом мироощущение"» [9].

В художественных произведениях XX в. на первом плане, бытовом, изображаются факты повседневной действительности, но одновременно «простоупает» мифологический подтекст, даётся отсылка к библейскому сюжету. У Ф.Н. Горенштейна особенно явно это проявляется в таких произведениях, как «Ступени», «Искушение», «Псалом», где значительно усложняется структура текста и задаётся новый идейно-тематический вектор. Е.Г. Эткинд говорит о том, что писатель «видит жизненную значительность в ничтожных, казалось бы, деталях, наряду с событиями исторического масштаба» [10, с. 7].

Одним из первых произведений, позволяющим говорить о «чертах неомифологизма» в творчестве Ф.Н. Горенштейна, служит повесть «Ступени» (1966). Т.М. Колядич говорит о том, что здесь писатель «ввёл основную тему своего творчества, рассказав о религиозных исканиях в СССР» [2, с. 273], хотя отголоски мифологических сюжетов обнаруживают себя и в более ранних произведениях – «Дом с башенкой» или «Зима 53-го года», однако в них авторский стиль ещё формируется. Относительно «Ступеней» мало сказать о религиозных поисках, с этого текста автор берёт за основу миф и с его помощью конструирует собственный художественный мир.

Название повести символизирует преодоление грехов и пороков, присущих всем поколениям человечества. Эта борьба показана через призму умозаключений главного героя Юрия Дмитриевича. Каждая глава изображает его новый жизненный период, в который он открывает для себя важные философско-религиозные истины. Размышления над ними, в свою очередь, тоже даются поэтапно.

Юрий Дмитриевич – человек науки, изначально убеждённый атеист, однако к моменту описываемых событий он самозабвенно углубляется в библейское учение, пытаясь отыскать истину существования. Одной из ключевых фраз произведения становится его высказывание: «Человек должен изжить себя, по ступеням приближаясь к чему-то высшему, тому, что ты называешь Богом, а я отказываюсь как-либо конкретно именовать, ибо не в наименовании суть... Человек должен пройти грех, искушение, страсть, боль, не минув ни одной ступени...» [1, с. 46]. Главный герой проходит каждую из указанных им греховных ступеней и знакомится с девушкой-богомолкой. Образ Зины – прозрачная аллюзия на Иисуса Христа в общекультурном понимании, а также на Марию Магдалину. Он любит её ветхозаветной любовью, без жертвы и преданной веры, где важна лишь сама способность любить. Однако обстоятельства складываются так, что им приходится расстаться. Имплицитный ветхозаветный план повествования является сюжетно- и структурообразующими в данном произведении. Главный герой по законам постреализма ищет смысл жизни в Хаосе, который его окружает, пытается постичь абсурдное воплощение любви, жертвенности, сущности людей. «Мифологизация, действительно, играет важную роль в "неореалистических" произведениях» [3, с. 765]. В конкретных бытовых ситуациях таятся проявления мирового Хаоса, постичь который становится главной жизненной целью не только персонажей, но и всего человечества.

Особый интерес представляет авторская интерпретация образа Иисуса Христа. Юрий Дмитриевич пишет диссертацию по палеопатологии¹. В ней он поэтапно представляет историю болезни исследуемого и ставит психиатрический диагноз «самозванцу» – гебефреническая шизофрения. В основе его теории лежит идея дифференцирования понятий «Иисуса» и «Христа», где первое – простой человек, а второе – идол и «великий литературный образ древнееврейской литературы, литературы, которая может возникнуть лишь в моменты сильных душевных сдвигов...» [1, с. 67]. Здесь даётся авторская трансформация традиционного понимания образа сына Божьего, аргументированная и убедительная, которая созвучна со смелой интерпретацией версии Э. Ренана и прочих философов-религоведов о человеческом происхождении Христа. Главный герой говорит о том, что каждый жизненный период Иисуса знаменуется определёнными симптомами (все они поэтапно расписаны в тексте) и к тридцати годам болезнь переходит на хроническую стадию (именно в таком возрасте он начинает проповедовать). Так как европейская цивилизация основана на христианстве и ведёт постоянную борьбу с ним, то Юрий Дмитриевич берёт на себя смелость утверждать, что христианство существовало до самого Иисуса, но в силу болезни он «слился» с учением Христа. Невежественные умы объединили фанатичного верующего и святой образ, что привело к появлению личности Иисуса Христа. Это говорит не писатель Ф.Н. Горенштейн, а его персонаж, но важно то, что «...даже в искажённом восприятии сумасшедшего врача Иисус у Горенштейна живой: пророк, а не идол» [7, с. 627]. Абстрактное размышление о христианском учении тоже даётся ступенчато: «Сначала учению нужны титаны, потом оно нуждается в посредственностях, которые довели бы его до абсурда, то есть до единственной смерти, ибо учения смертны и сменяют друг друга, как человеческие поколения...» [1, с. 65].

Анализ данного эпизода показывает концептуальные оппозиции: Иисус – реальность / Христос – мечта, Иисус – действие / Христос – идея, общепринятая жертва в распятии / жертва в воскресении, а отсюда общечеловеческие противопоставления: плоть / «бесплотье», каждодневное добро / вечное добро, религия / вера, быт / бытие и т.д. Несмотря на то что читателю даётся новозаветный сюжет, Ф.Н. Горенштейн идёт дальше и наполняет его ветхозаветным пониманием, как и всю повесть в целом.

Идейно-тематический уровень повести наводит на мысль о заключённой в произведении реминисценции из известного сочинения Иоанна Лествичника «Лествица», представляющего собой «ступени» добродетелей, по которым христианин должен восходить на пути к духовному совершенству. Трактат состоит из 30 глав (ступеней), которые символизируют уровень праведности. Такая лестница является дорогой не только в одну сторону, и именно об этом размышляют горенштейновские персонажи, которые то падают, то поднимаются.

Автор стремится внести сакральные знания в обыденную жизнь, черпая их в ветхозаветном учении: претворение Хаоса в Космос, борьба добра со злом, грехи и их искупление, нравственная красота души в борьбе с пороками, уменьшение страданий невинных и «задавленных», знание священных ритуалов и жизненных циклов человечества, а также многое другое. Не раз поднимается в «Ступенях» (и в последующих произведениях) тема «непротивления злу насилием». Эта евангельская заповедь неприемлема для него без связи с иудейством, потому что невозможно искренне полюбить своего врага, только подставить щёку, когда он сильнее. «В понимании Горенштейна непротивление злу – тактический маневр, способ остаться в живых, сохранив самое главное оружие – душу. А быть живым – превыше всего...» [7, с. 633]. Ф.Н. Горенштейн считает, что как идея – это метафизически красиво и возможно, но на практике

¹ Наука, изучающая болезни древних людей.

действует ветхозаветный закон «око за око». Эта мысль подтверждается следующими строками из повести «Ступени»: «Непротивление злу как идеал – прекрасно... Как каждодневное правило – нелепо...» [1, с. 70]. Другой аргумент в пользу Ветхого Завета – кара за содеянное зло, от которого в христианстве можно откупиться покаянием, с чем автор принципиально не согласен, т.к. любое злодеяние должно быть наказано и искуплено. Однако Ф.Н. Горенштейну нравится идея новозаветной безграничной любви и доброты, поэтому он старается ассимилировать в своих произведениях обе культурные традиции, соединяя их с философией, историей, личным мировоззрением и делая акцент не на религиозном, а на нравственном участии Библии.

Повесть заканчивается оставленной Юрием Дмитриевичем запиской для своей жены, в которой «проступает» притча о блудном сыне в контексте человечества и своей матери-природы, предполагающей возвращение к первооснове Бытия. Ветхозаветный нарратив через текст современной литературы становится обращением ко всем людям, что даёт возможность говорить о мифе, помещённом внутри мифа.

В романе «Искушение» (1967) всепрощающая любовь матери к дочери сравнивается с любовью Христа к людям, что подтверждается словами другого персонажа, профессора Павла Даниловича, о «неравной» любви Христа и Иуды. В авторской интерпретации Иуда совершает самоубийство не из-за раскаяния в предательстве, а по причине отсутствия безграничной любви Иисуса. Автор проводит параллель между «сыном погибели» и Сашенькой, которая, несмотря на непосильные старания своей матери, пишет на неё донос. Девушка не может пережить тот факт, что мама тайно встречается с культурником и теперь будет делить любовь между двумя людьми. К концу произведения, преодолев ряд жизненных испытаний, Сашенька предстаёт счастливой женщиной, купающей дочку, младшую сестру и девочку Васи и Ольги, которых в последние годы войны приютила Сашина мать. «Существует глубокая аналогия между космогоническими мифами и мифологией переходных (всегда ритуализованных) моментов в жизни личности, поскольку всякий переход есть обновление, а обновление всегда мыслится и ритуально представляется как смерть и новое рождение, т.е. некое воспроизведение в личном плане мифологического (в принципе космогонического) начала. Когда речь идет о герое или боге, этот космогонизм – не только метафорический. Однако фундамент мифологии всё же составляет космогонический, а не героический миф, т.е. творение, а не quest» [5]. В возвращении домой и покорном принятии обстоятельств судьбы дешифрируется притча о блудном сыне. В тексте можно выявить и другие отсылки к Священному Писанию, например, идею невинной Жертвы, проецируемой на семью Августа, или самостоятельный сюжет об Иове. Всё это необходимо писателю для того, чтобы возродить в сознании читателя основы сотериологического учения с помощью изображения реальных социокультурных проблем.

Два плана изображения составляют единое целое, не разрушают архитектуру произведения, а равноправно сосуществуют в нём, прошлое будто просвечивает сквозь настоящее. Подобное темпоральное совмещение создаёт ощущение вневременного единства. Реальные события переданы через призму мифологического восприятия, а «миф» приобретает современный вид. Такой авторский приём можно назвать переходом от «временного» к «вневременному», что способствует расширению пространства произведения.

В исследовании «Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме» Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий пишут о логике хаоса и мифа современной прозы. В отдельной работе «Рождённые в ночи» М.Н. Липовецкий также размышляет о мифологизме художественного мышления, о соотношении хаоса и космоса в творчестве Ф.Н. Горенштейна, о физическом и психологическом взрослении и становлении души ребёнка и подростка. Он считает, что

духовное взросление личности героев писателя непременно происходит через обретение плотского, инстинктивного опыта (это мнение опровергает В.И. Камянов, говоря о том, что духовное развитие чуждо героям).

В художественной картине мира Ф.Н. Горенштейна на первый план выдвигается вечная борьба добра и зла как универсальный конфликт, затаившийся в подсознательных глубинах каждого отдельного человека и во Вселенной. Все произведения писателя так или иначе поднимают вопрос о злодеянии, будь то убийство антисемитом своих соседей («Искупление») или многовековые гонения еврейского народа («Псалом»), и возмездия за него.

Неомифологическая парадигма позволяет осмыслить не только этапы изменения души отдельных персонажей, но и жизненные циклы многих поколений людей. Каждое человеческое существо вновь и вновь вступает в единоборство с хаосом. «Но благодать, охватившая девочку, ставшую матерью, преданной своему ребёнку, пребывающему в свою очередь в покое – вот хрупкая, щемяще непорочная гарантия мировой гармонии. Краткой, как ночь...» [4, с. 591]. Согласно авторскому видению, люди, начиная с Мифа Творения, будут проживать множество других Ветхо- и Новозаветных сценариев.

В рецензии М.И. Муравник на роман «Искупление» даётся глобальная характеристика прозы Ф.Н. Горенштейна: «Дух Библии веет над “Искуплени-ем”. И не только над этой повестью, но и вообще над всем творчеством Фридриха Горенштейна. Здесь слышны голоса её пророков и звуки псалмов и молитв» [6, с. 411–412]. Соотношение реалистического и метафизического начал в произведениях Ф.Н. Горенштейна декодирует его неомифологическую концепцию. Герои переживают завершение одних жизненных циклов и начало других, за счёт чего происходит борьба с вечным Хаосом.

Особое внимание уделяется роману Ф.Н. Горенштейна «Псалом» (1975), мастерски репрезентирующему историческую и социальную действительность, которая сюжетно и стилистически обрамлена сентенциями из священных книг. Библейские образы актуализированы, парадоксально трансформированы писателем.

«Псалом» имеет подзаголовок: «Роман-размышление о четырех казнях Господних». Речь идёт о тех карах, которые в Библии названы: «первая казнь – меч, вторая – голод, третья – зверь, толкуемый как похоть, четвёртая – болезнь, моровая язва». Эти казни Бог насылает на Россию XX в., советскую эпоху. В качестве главного героя всех притч выступает Антихрист («Дан их колена Данова, Аспид, созданный не для Благословения, а для Суда и Проклятия»). Однако в противовес традиционному евангельскому сюжету Антихрист не вершит Суд и Возмездие над людьми, потому что они и так претерпевают невообразимые страдания (особенно женщины и дети). Дан-Антихрист сострадает им, делится хлебом изгнания, привыкает к этой земле, кровно сливается с её народом, в результате чего как простой русский еврей испытывает на себе гонения.

Никакого сюжетного разрешения вечного конфликта между добром и злом в романе нет и быть не может. Фабулу писатель замыкает смертью Дана. Заканчивается роман притчей о пятой казни – казни жаждой и голодом по Слову Господнему, что придаёт «Псалому» вид богословского трактата.

Произведения Ф.Н. Горенштейна в высшей степени показательны для неомифологического сознания. Рассмотрев наиболее ярко выраженные мифологизированные нарративы в прозе данного писателя, мы приходим к выводу о том, что автор создаёт образы, наполненные библейскими смыслами, переосмысливает культурно-эстетические явления и конструирует собственные неомифы. Особое мироощущение определяет особенности содержания, композиционные, сюжетные, образные и стилистические приемы, позволяющие дешифровать в сотворённых таким образом неомифологических произведениях художественный код. Это является отличительной особенностью горенштейновского стиля.

Список литературы

1. Горенштейн Ф. Н. Ступени / Ф. Н. Горенштейн // Псалом: роман, повесть. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 7–128.
2. Колядич Т. М. Русская проза рубежа XX–XXI веков / Т. М. Колядич. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 518 с.
3. Лейдерман Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Ин-т филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т., 2010. – 904 с.
4. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – Т. 2: 1968–1990. – 688 с.
5. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский // Электронная библиотека ModerLib.ru. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/meletinskiy_e/poetika_mifa/read, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Муравник М. И. Когда грядёт библейская черта / М. И. Муравник // Континент. – Мюнхен, 1986. – № 47. – С. 408–414.
7. Никифорович Г. В. Вдохновлённый Библией / Г. В. Никифорович // Горенштейн Ф. Псалом: роман, повести. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 615–638.
8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
9. Токарева Г. А. «Мифопоэтика У. Блейка». Миф и мифопоэтика / Г. А. Токарева. – Режим доступа: <http://historylib.net/tokareva-g-a-mifopoetika-u-blejka-mif-i-mifopoetika/3>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Эткинд Е. Рождение мастера: о прозе Фридриха Горенштейна / Е. Эткинд // Время и мы. – Нью-Йорк, 1979. – № 42. – С. 5–10.

References

1. Gorenshtejn F. N. Stupeni. Psalom: roman, povesti. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012, pp. 7–128.
2. Koljadich T. M. Russkaja proza rubezha XX–XXI vekov. Moscow, Flinta, Nauka, 2011. 518 p.
3. Lejderman N. L. Teorija zhanra. Ekaterinburg, In-t filologicheskikh issledovanij i obrazovatel'nyh strategij «Slovesnik» UrO RAO, 2010. 904 p.
4. Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody : in 2 vol. Moscow, Akademija, 2003. Vol. 2: 1968–1990. 688 p.
5. Meletinskij E. M. Pojetika mifa. Available at: http://modernlib.ru/books/meletinskiy_e/poetika_mifa/read.
6. Muravnik M. I. Kogda grjadot biblejskaja cherta // Kontinent. Munich, 1986, № 47, pp. 408–414.
7. Nikiforovich G. V. Vdohnovljonnjy Biblijej. Gorenshtejn F. Psalom: roman, povesti. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012, pp. 615–638.
8. Rudnev V. P. Slovar' kul'tury XX veka. Moscow, Agraf, 1999. 384 p.
9. Tokareva G. A. «Mifopojetika U. Blejka». Mif i mifopojetika. Available at: <http://historylib.net/tokareva-g-a-mifopoetika-u-blejka-mif-i-mifopoetika/3>.
10. Jetkind E. Rozhdenie mastera: o proze Fridriha Gorenshtejna. Vremja i my. New-York, 1979, № 42, pp. 5–10.